

РУССКИЙ ПУТЬ: ОТ РАСПУТИНА К ПУТИНУ

1

В названии нашего круглого стола – тройное заблуждение, к тому же отдающее кощунством. Заблуждение первое: подразумевается, что общество может быть автором, брокером, хакером. Подразумевается, во-вторых, что у стратегии может быть авторство. И, наконец, третье заблуждение, вполне атеистическое, состоит в предположении, что общество (или отдельный человек) могут быть субъектом своего развития. Я почитатель христианского мыслителя Гегеля, который объяснил, что есть только один субъект развития – Господь Бог.

У древних греков есть три слова для обозначения трех сфер человеческих дел: экономика, политика и стратегия – и там все понятно. Экономика – искусство управления хозяйством, политика – искусство управления государством, а стратегия – искусство войны, другого смысла у этого слова не было никогда. Те, кто сегодня с важным видом повторяют чужие благоглупости о «стратегии бизнеса», «стратегии выхода на рынок», подзабыли, что стратегия кровно связана со сражением не на жизнь, а на смерть, что в этом слове звучат утрата, страсть и страх. Не пошлое опасение за свою шкуру, а страх Божий, знакомый интеллигентам по Книге Иова.

Стратегия – путь войны, путь осуществления своей идентичности, своей идеи в поле борьбы и конфликтного взаимодействия с носителями иных идеологий. Стратег – тот, кто владеет искусством посредничества между обществом и его ведущей идеей в грозном окружении иных обществ и чуждых идей. Если общество не умеет либо не хочет сознательно и целенаправленно заниматься экономикой, политикой, стратегией, за дело берутся «невидимые руки» отчужденных институтов рынка, институтов государства, институтов идентичности. И если никто не занимается посредничеством между идеей и обществом, идея проламывается сама.

2

В российском мифе об идеальном Западе есть и образ правильного жизненного цикла идеи: она обретается в системе институтов, живёт в гражданском обществе, проявляется во взаимодействии соседских общин, транслируется медийными каналами и т.п.. А у нас она фильтруется без задержки сквозь министерства и ведомства, сообщества граждан и корпорации профессионалов, как вода сквозь мочалку, не желая там ни родиться, ни воспроизводиться, ни развиваться. На старте нового тысячелетия по-прежнему есть только два места, где хочет и дышит русская идея: особа генсека-императора либо гуца народа. В *народе* идея *нарождается*, в *императоре* обретает силу *императива*.

3

Духовно-идеологическая продукция, что истекает не из двух названных сакральных источников, а европейски-правильным образом вырабатывается политическими, хозяйственными, академическими субъектами, выходит у нас удивительно бездарной и пустой. Она не затрагивает народ и не бывает востребована властью. Максимум, что удастся продать или всучить клиентам предрежащим – фактуру экспертного, статистического или разведывательного характера, не слишком обремененную аналитизмами.

Почему наши трудящиеся-избиратели замыкаются в приватной жизни, спиваются или начинают банально воровать? Да потому, что интуитивно чувствуют или понимают: то, что

предлагается им политиками и тиражируется СМИ, все предвыборные манифесты, проекты, идеи – джинсовое фуфло, причём грубое.

Почему не идёт административная реформа? Потому что здравый смысл чиновников подсказывает: лучше оставить всё как есть, чем дёргаться, исходя из чуждых абстракций типа «разграничения полномочий», за которыми не стоит ничего подлинно важного, главного в жизни – ни идеи глобальных перемен, ни понимания страны, ни чувства времени.

4

Есть немало любителей искать циклы в русской истории. Но во всех вариантах так или иначе эти циклы связаны с приливами и отливами идеи. Идея сносит крышу стране, взбредает в августейшую голову и взрывает жизнь руками императора-реформатора, который не нуждается в советах аналитиков и услугах имиджмейкеров. Но едва оболочка идеи отвердевает и каменеет в системе институтов самодержавно-православной партийности, сама она тихо, на цыпочках уходит, и подавшись в народ, переживает в его толще таинство перерождения и обновления.

После реинкарнации русская идея выступает в трех привычно-маргинальных ипостасях. В максимальном удалении от власти ее воплощают бомбисты, террористы, бунтовщики и политические отморозки. В непосредственной близости от трона ее проповедуют на ухо подозрительные консультанты: комиссары в обличии экономических советников, демонические полубандиты-полубанкиры, сомнительные политтехнологи – короче, полная распутинщина. Середина между полюсами неустойчива, это роль колеблющегося, капризного пророка-провокатора, который, будучи недопризнан властью, моментально сваливается из роли апологета в роль непримиримого критика.

5

В предельные моменты оба маргинальных полюса идеи – разрушительный и охранительный – смыкаются, порождая новую генерацию власти-идеократии. Известна фраза Керенского: «Если бы не было Распутина, не было бы и Ленина». Распутин – загадочный «двойной агент» идеи, разрушитель-охранитель российского самодержавия. Есть документально подтверждённые свидетельства, что Распутин часто предлагал ровным счетом то, что делали потом большевики. В самом начале войны он энергично подталкивал царя к некоторым важным шагам по введению элементов госмонополии, переводу рыночной экономики на военные рельсы, изменению налогообложения в пользу малоимущих. С другой стороны, незадолго до февральской революции он предпринимал отчаянные попытки втолковать царю, что сейчас важнее всего, даже ценой остановки военных эшелонов, обеспечить продовольствием столицы, потому что социальный взрыв на почве голода приведет к катастрофе.

Представим себе чисто постмодерновую конструкцию: Николай, отрекаясь от престола, реализует схему, в результате которой фактическим преемником оказывается Распутин (например, в роли премьера, чья кандидатура выдвигается фракцией эсеров). В этом случае Григорию Ефимовичу не пришлось бы, проводя востребованную временем политику военного коммунизма, а затем, глядишь, и НЭПа, ни кривить душой, ни идейно перекрашиваться...

6

Если присмотреться к нашему президенту, иногда возникает странное ощущение, что перед нами – Романов и Распутин в одном лице.

Вспомним Николая II – тихий, невысокого роста полковник, который с момента коронации пользовался необъяснимым доверием и расположением (по-нашему – рейтингом) подданных добрый десяток лет. И это притом, что он начинал с Ходынки, что возникали серьезные проблемы с царицей, что он был явно не оратор, что его систематически подставляла, провоцировала и дискредитировала придворная элита вкупе с формирующейся интеллигентско-разночинной политтусовкой.

Со страниц книги «Владимир Путин. История жизни» смотрит совершенно иной герой. Вышел он весь из народа. Сквозь недавний ледок благополучия зияют бездны коммунального быта. Джунгли дворовой шпаны. Лестница, щербатая, как оскал зека, по которой герой удирает от

крысы. Жуткий туалет, врезанный прямо в лестничную площадку. Кухонные дрызги... От деталей президентского отрочества, знакомых соотечественникам, как глазам ладонь, должно быть, стынет кровь в жилах шенгенского европейца.

Распутин принадлежал к мистической секте хлыстов (что, кстати, никогда не было доказано), а тут налицо принадлежность к загадочной когорте разведчиков. А особые отношения с религией, путь от восточных единоборств к обретению неопалимого крестика в углях сгоревшей бани? А внезапно-афористичные оговорки при кажущемся косноязычии?

7

В Истории, не только российской, победа новой идеологии всегда означала клиническую смерть социума, истребление либо изгнание элиты, часто гибель целого этноса, иногда и языка. Во второй половине XX века впервые забрезжило благодатное чудо: появились прецеденты преемственной смены идеологии и стратегии, при которых удавалось возобновить идентичность, сохранить часть политической элиты, уберечь общество от катастрофической родильной горячки.

Новый приход русской идеи, который непосредственно предстоит, сам по себе благодатен. Точнее, он в пушкинском смысле слова упоителен («Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...»). Но опасен, притом смертельно, приход идеи в общество, где новые каналы для нее не проложены, а прежние – забиты тромбами экспертно-аналитического безмыслия, где пустынь обращена в духовную пустыню.

Приземляя великие и страшные слова пророка, пора призвать в этом опустошении:
Приготовьте путь идее, прямыми сделайте стези ее!